

Немецкая романтическая повесть

**Том 1. Шлегель, Новалис,
Ваккенродер, Тик**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82
ББК 83
Н50

Н50   Немецкая романтическая повесть: Том 1. Шлегель, Новалис, Ваккенродер, Тик / – М.: Книга по Требованию, 2015. – 534 с.

ISBN 978-5-458-69903-7

Немецкий романтизм конца XVIII — начала XIX в. представлял собой выдающееся культурно-философское и художественно-литературное движение. Его роль в становлении буржуазного мировоззрения — при всей своей двойственности — была исключительной. Поэзия и проза немецкого романтизма, будучи наиболее полным выражением мировоззрения немецких романтиков, которые именно в искусстве видели высшее выражение человеческого (т. е. их собственного, романтического) творчества, многими своими образцами вошли в немецкую классическую литературу, а через нее и в литературу мировую. Поэзия и проза немецких романтиков должны быть изучены еще и потому, что они сыграли большую роль в создании реализма, как господствующего стиля процветающей буржуазии середины XIX в. Все это делает вполне целесообразным ознакомление советского читателя с лучшими образцами немецкой романтической прозы, двухтомное собрание которых издательство выпускает в новых переводах.

ISBN 978-5-458-69903-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Немецкий романтизм не был явлением чисто немецким. Он был лишь отдельным отрядом сложного и разностороннего литературного течения, охватившего и другие страны. В начальной стадии своего развития немецкий романтизм своеобразно воспринял лозунги „свободы“ буржуазной французской революции, а затем стал выразителем политической реакции, которая началась с Термидора и достигла наивысшей силы в Европе после разгрома наполеоновских армий, реставрации Бурбонов и воцарившейся диктатуры „Священного союза“ на континенте.

В Германии романтизм проявился в более отчетливых формах, чем в других странах, и сложился в законченную школу, что было естественно для страны, которая „разделяла с другими народами реставрацию, не участвуя в их революциях“ (Маркс). Германия конца XVIII и начала XIX столетия была весьма отсталой страной в сравнении с Англией, Францией и Голландией. Ее промышленность, если не считать отдельных участков крупного производства, например в горном деле, еще находилась на стадии ремесла и кустарной промышленности.

В государственно-политическом отношении Германия была крайне отсталой и раздробленной. В то время как Англия и Франция сложились в крупные и сильные буржуазные государства с объединенным внутренним рынком и сильной централизованной властью, десятки мелких германских кня-

жесть, с их таможенными барьерами, дробили ее экономический организм, задерживали развитие торговли и промышленности и на этом слабом хозяйственном базисе плодили огромные наросты паразитической бюрократии. Германия медленно и с величайшим трудом оправлялась от тяжелых последствий изнурительной Тридцатилетней войны, надломившей ее силы. В сравнении с Францией и Англией на всей ее городской жизни лежала печать или застоя, или крайне медленного движения, печать провинциализма, захолустности и филистерства. Быстрее всего развивалась торговля, особенно в приморских городах и по водной артерии Рейна. Буржуазия как класс была представлена прежде всего купечеством, промышленная буржуазия находилась в детском возрасте, политически господствующим классом оставалась крупная земельная аристократия, хотя уже значительно обесиленная развитием товарнорыночных отношений и укреплением торгового капитала.

Но несмотря на столь большую отсталость и крайнюю медленность своего буржуазного развития Германия и по своему географическому положению, и по степени развития мирового торгового обмена, и по степени ее культурных и хозяйственных связей с Англией, Францией и Голландией не могла оставаться в стороне от жизни своих более развитых в буржуазном отношении соседей. На свой манер и в специфически немецких формах она отозвалась на тот процесс формирования буржуазной идеологии, который происходил в Англии и Франции. По словам Маркса, немцы проделывали в идеологии революцию, которую французы проделывали на практике. Германия имела „эпоху бури и натиска“ в литературе. Такой величайший поэт всемирного значения, как Гете, не мог взойти только на дрожжах уездно-провинциальной ограниченности своего Веймара, он идейно отражал развитие всего буржуазного мира Европы. Исторические драмы Шиллера, призывавшие к борьбе за политическое и национальное освобождение, не могли создаться в стране без перспектив на преодоление феодальных препятствий для поступательного движения вперед на буржуазных путях. Гениальный критик Лессинг расчищал путь для формирования буржуазной идеологии и был продуктом

не только немецкого развития. Наконец, философия Канта, при всей ее робости и половинчатости, все же представляла большой шаг вперед в деле борьбы с авторитетом церкви и средневековым в общественной жизни тогдашней Германии и имела связь с движением буржуазной философской мысли в Англии и Франции. При таких условиях потребности буржуазного развития страны могли крайне смутно осознавать и формулировать лишь наиболее передовые представители интеллигенции.

Для понимания немецкого романтизма и той роли, которую он сыграл в истории литературы, в частности для понимания тех избранных произведений романтиков, которые даются в наших двух сборниках, необходимо иметь в виду следующее: романтизм прошел через различные стадии в своем развитии, социальный состав участников этого литературного течения отнюдь не был однороден.

Первый период романтизма можно рассматривать не только как бунт против установившихся и окостеневших правил художественной формы, характерных для ложноклассицизма, не только как провозглашение права художника на свободу творчества, на свободу фантазии и на вольное обращение с действительностью, не только как резкий поворот в сторону субъективизма в искусстве, но и как литературное течение, многие участники которого сочувствовали идеям французской революции, защищали свободу личности, свободу любви и увлекались поэзией прошлого в знак протеста против жалких и убогих условий тогдашней Германии. В этом отношении характерно, например, то обстоятельство, что идейный руководитель и теоретик иенской группы романтиков Фридрих Шлегель был сначала сторонником французской революции. В помещаемом в нашем сборнике романе „Люцинда“ он выступает защитником эмансипации женщин, свободы чувства не только для мужчины, но и для женщины, хотя все это дано при крайней гипертрофии субъективизма в форме мистического извращения и кривляния. В свое время этот роман произвел целый скандал в филистерско-мещанском болоте тогдашней Германии, и не только потому, что имел автобиографическое значение.

Основатель другой, гейдельбергской группы романтиков Геррес был сначала энтузиастом французской революции, боролся за отделение Рейнской провинции от остальной Германии и за провозглашение независимой Прирейнской республики. И Шеллинг первого периода не похож на Шеллинга второго периода, когда он впал в мистику, хотя произошло это отнюдь не случайно. Между прочим, в провозглашении принципов буржуазной свободы, в частности в борьбе за свободу чувства, за религиозное свободомыслие, в первый период развития этого течения не было ничего специально романтического. Здесь романтики копировали своих собратьев по ту сторону Рейна, причем копировали весьма грубо и неуклюже.

Но романтизм сложился в определенную литературную школу и приобрел наиболее характерные черты в своих политических тенденциях не в этот ранний период, а во втором периоде своего развития, когда в нем возобладали феодально-реакционные тенденции. Именно в этот второй период ряд романтиков-протестантов переходит в католичество, и эта католическая реакция, наряду с усилением роли дворянско-консервативных элементов, идеализирующих не только средневековое прошлое, но и подогревающих симпатии к остаткам этого прошлого в настоящем, задает тон всему течению.

Третий период романтизма — это период его разложения, эволюции ряда романтиков в сторону либерализма, буржуазного реализма и вытеснения романтизма новой волной освободительного движения в Германии, которое особенно усилилось после Июльской революции во Франции и привело к созданию „Молодой Германии“.

В классовом отношении романтики неоднородны. Среди них были выходцы из мелкобуржуазных бюргерских элементов, которые давали тон в первый период романтизма и были пропагандистами освободительных идей французской революции в политической области. Среди романтиков были дворянские и клерикальные элементы, которые задавали тон во второй период романтизма, самый характерный для всего этого течения. Уже в первый период романтизма обе эти социальные группы отворачивались от тогдашней немецкой действительности и обращались к ее прошлому по разным

мотивам: одни отворачивались от всего того буржуазного, что уже успело войти в немецкую жизнь и искали в прошлом петронутого средневековья. Другие отворачивались от настоящего, потому что в нем было слишком еще мало настоящей буржуазной культуры, мало элементов буржуазного правопорядка и слишком много феодального хлама и филистерской дряни. Но когда начались наполеоновские войны и когда началось пробуждение немецкого патриотизма, во главе романтизма стала наиболее организованная социальная сила, которая была на авансцене политической жизни Германии, то есть дворянско-феодальные и клерикальные элементы. Буржуазные элементы как более слабые пошли на поводу у первых. И вот тогда-то характерный для всех романтиков поворот к прошлому и увлечение этим прошлым получил специфически консервативный и реакционный характер. И, наоборот, в третий период романтизма в нем начинают усиливаться буржуазные элементы и тенденции; романтизм начинает вытесняться новыми течениями в литературе.

В этом отношении очень характерна эволюция, которую проделал Гейне от своих юношеских увлечений романтизмом, интересно творчество Шамиссо, Клейста и др.

Романтики выступали не только против ложноклассицизма, установившихся правил литературной формы, которая уже устарела, но и против буржуазного реализма, считая его мертвой фотографией мертвых объектов и мелочным протоколированием действительности. Романтики-индивидуалисты типа Шлегеля, Новалиса и др., которые стояли на позициях глубочайшего субъективизма, считали, что основной задачей литературно-художественной деятельности является отображение тончайших и интимнейших душевных переживаний человека, с подчинением этой задаче и художественной формы.

Несколько иной была позиция так называемого гейдельбергского кружка романтиков с Герресом, Арнимом, Брентано во главе. Эта группа, всецело погружившаяся в средневековое прошлое Германии, в ее поэзию и историю, усердно занимавшаяся собиранием памятников народной поэзии, былин и легенд, ограничивала романтический субъективизм тем, что тре-

бовала от искусства возврата к национальному прошлому, в том числе к его религиозному прошлому. Несмотря на известные отличия между этими течениями внутри романтизма, они одинаково выступали против просветительства, против рационализма, против классицизма и против буржуазного реализма, как он проявился к тому времени в мировой литературе.

Второй характерной чертой романтизма была тесная связь этого течения с католической реакцией. Фридрих Шлегель, Иоганн-Иосиф Геррес, Арним и другие романтики являются очень яркими примерами этого процесса. Фридрих Шлегель, либеральный и свободолюбивый поклонник французской революции в первый период своей литературной деятельности, переходит в католичество, проникается симпатиями к средневековому христианству в его самых изумительно-мистических формах, увлекается идеализацией Индии и т. д. Новалис, Шюц, Адам Мюллер официально перешли из протестантизма в католичество. Не надо забывать, что все это происходило всего два десятилетия спустя после того, как энциклопедисты нанесли католицизму во Франции ряд сокрушительных ударов еще до французской революции, а во время революции католическая церковь потерпела жестокий разгром: ее имущество было конфисковано, ее защитники сотнями посылались на эшафот, руководимые ею и аристократией восстания, например Вандейское, были жестоко подавлены, и атеистическое движение в массах приняло самые широкие размеры. Наконец, не надо забывать, что этот возврат к католицизму в литературе имел место после того, как в экономически передовой Англии уже несколько десятилетий развертывалась промышленная революция и естественные науки делали огромные завоевания.

Гете заметил как-то, что крест ему противен так же, как табак, клопы и чеснок. Католический крест начал снова осенять немецкую литературу еще при жизни этого великого язычника, который так много сделал в своих произведениях для его дискредитации.

Впрочем, засилье католической реакции в немецкой литературе не было особенно продолжительным, и с периода Июль-

ской революции во Франции в лице „Молодой Германии“ началось вытеснение этого направления.

Третьей характерной чертой романтизма был культ узко немецкого национализма,— национализма узко провинциального, заскоружлого, культ патриотизма, направленного на борьбу с французской культурой, с культурой буржуазной революции, буржуазного правопорядка, с защитой немецкой отсталости, пережитков средневековья в быте и политических учреждениях, то есть защита всего того, что являлось главным препятствием для буржуазного развития Германии, причиной ее феодальной раздробленности и политического бессилия. Вообще буржуазный национализм как идеология капиталистических классов, которые создают единое национальное государство, с единым рынком и сложившимся в определенных границах экономическим организмом, есть исторически явление прогрессивное по сравнению с крепостнически-феодальным строем с его сепаратизмом и раздробленностью, но в тогдашней Германии это прогрессивное явление облачилось в реакционные формы, с восхвалением и прославлением прошлого „могущества“.

Буржуазные классы, заинтересованные в создании свободного внутреннего рынка и единого государства с централизованной властью, являются носителями буржуазного национализма и борцами против феодально-аристократических привилегий раздробленных феодальных княжеств. В Германии же, в условиях наполеоновских войн, создалось такое своеобразное положение, что буржуазные элементы были слишком еще слабы, чтобы борьбу с иноземным вторжением соединить с борьбой за буржуазный режим внутри страны. Национальным подъемом овладели князья и представители феодальной аристократии, которые воспользовались патриотическими настроениями, чтобы, развивая военное сопротивление против Франции, укрепить свои подгнившие троны, укрепить разлагавшиеся феодальные отношения, укрепить крупную земельную собственность и остатки крепостнических отношений в деревне. В своей литературно-политической характеристике творчества Клейста, который наиболее ярко отразил в своих произведениях волну антифранцузского немецкого патриотизма, Франц Меринг дал

следующий тонкий социологический анализ корней немецкого романтизма, поскольку они были связаны с этим противоречивым положением немецкой буржуазии в период наполеоновских войн:

„Когда меч иностранного завоевателя выполнил то дело, которое не могли собственными силами выполнить буржуазные классы в Германии, когда чужеземное господство Наполеона снесло весь мусор с немецкой земли, чтобы в свою очередь лечь невыносимым бременем на все классы нации, тогда романтическая школа отобразила это причудливо-двойственное положение вещей. Национальные и социальные интересы бюргерства вступили в непримиримое противоречие друг с другом: этот класс не мог свергнуть с себя чужеземное иго, не усиливая вместе с тем гнет ига внутреннего. Тщетно старались Шлегели и Тики, литературные вожди романтики, заполнить эту зияющую пропасть при помощи вымученной гениальности и пресловутой „иронии“, тщетно искали они в литературе всех времен и народов почву, на которую они могли бы прочно опереться. Романтическая школа могла найти эту почву только в „залитой лунным сиянием волшебной ночи“ средневековья; только здесь они могли найти свои национальные идеалы. Но средневековье было временем безраздельного классового господства юнкеров и попов. Из этого разлада между национальными и социальными интересами не было никакого выхода. Вот почему гениальный, вот почему едипственный гениальный поэт романтики, именно Генрих фон-Клейст, стал жертвой безумия и самоубийства“ (Франц Меринг, „Литературно-критические статьи“, изд. „Academia“, стр. 726).

В период национального подъема бюргерским элементам были сделаны, правда, широкие обещания насчет введения конституции и буржуазных свобод, но все эти обещания были затем взяты обратно, и буржуазные элементы Германии не только оказались бессильны сами возглавить национальный подъем и перевести его в русло буржуазной революции, но оказались слишком слабы хотя бы для того, чтобы заставить платить своих князей по их же собственным векселям, выданным в трудные для них дни. Немецкий романтизм сыграл важную роль в деле активизации патриотических настроений в Гер-

мании и перевода их на поддержку феодально-монархической реакции. О различии между французским патриотизмом, который вырос из действительного национального объединения, закрепленного революцией и ее блестящими победами на фронте, и между заскорузлым, реакционным и диким немецким „патриотизмом“ романтиков Гейне писал в своей работе „Романтическая школа“: „Патриотизм француза заключается в том, что сердце его согревается, расширяется от этой теплоты, раскрывается, так что своей любовью оно охватывает уже не только ближайших родичей, но всю Францию, всю страну цивилизации; патриотизм немца заключается, наоборот, в том, что сердце его суживается, что оно коробится, как кожа на морозе, что он ненавидит чужеземное, что он хочет уже быть не космополитом, не европейцем, а только узеньким немцем. Тут и узрели мы идеальную грубость, приведенную в систему г. Яном; началась жалкая, пеуклюжая хамская оппозиция против мировоззрения, представляющего собой высочайшее и святейшее из всего порожденного Германией, а именно против той гуманности, против того всеобщего братства людей, против того космополитизма, поборниками которого всегда были наши великие умы — Лессинг, Гердер, Шиллер, Гете, Жан-Поль, все образованные люди Германии.

Что впоследствии затем в Германии, известно вам слишком хорошо, — продолжает Гейне. — Когда бог, снег и казаки уничтожили лучшие войска Наполеона, и мы, немцы, получили высочайший приказ освободиться от чужеземного ига, — мы воспылали мужественным гневом к нашему долготерпению и рабству и воодушевились под влиянием прекрасных мелодий и плохих стихов керперовских песен, и мы отвоевали свободу: ибо мы делаем все, что приказано нам посударями.

В эпоху, когда подготовлялась эта борьба, школу, враждебно настроенную против всего французского и прославляющую все национальное в искусстве и жизни, ждал самый пышный расцвет. Романтическая школа шла в ту пору рука об руку с стремлением правительств и тайных обществ, и г. А. В. Шлегель конспирировал против Расина с теми же целями, с какими министр Штейн конспирировал против Наполеона. Школа плыла по течению момента, а именно по течению, которое возвраща-

лось назад, к своему истоку. Когда наконец пемедкий патриотизм и немецкая национальность одержали полную победу, восторжествовала окончательно и „народно-германско-христианско-романтическая школа“, новонемецкое религиозно-патриотическое искусство... Пал Наполеон, великий классик, столь же классический, как Александр и Цезарь, и гг. Август-Вильгельм и Фридрих Шлегель, маленькие романтики, столь же романтические, как и мальчик с пальчик и кот в сапогах, победоносно подняли голову“.

Конечно, и насчет французского патриотизма, столь идиллически очерченного Гейне, и насчет Наполеона и о некоторых других вещах мы судим по-прежнему в сравнении с Гейне, но в данном случае правильно его противопоставление буржуазного национализма и патриотизма, который вышел из победоносной буржуазной революции,— патриотизму, пресмыкающемуся перед феодально-аристократической реакцией, католической поповщиной, остатками крепостничества, дворянским кнутом и всеми прелестями средневековья в Германии XIX столетия. Если буржуазный французский патриотизм времени революционных войн французской революции способен был подниматься в призывах и произведениях Анахарсиса Клотса до лозунга международной буржуазной республики под главенством Франции, ниспровергающей в плебейских восстаниях крепостных крестьян и городских санюлотов феодально-аристократический режим, то патриотизм романтиков вертелся вокруг старья и хлама „родного“ средневековья и, восхваляя это давно ушедшее прошлое, призывал фактически защищать самобытное национальное болото жалкого настоящего.

В „Святом Максе“ Маркс писал об этом периоде следующее:

„Под господством Наполеона немецкая буржуазия продолжала развивать свои мелкие дела и большие иллюзии... Немецкая буржуазия, ругавшая Наполеона за то, что он ставил ее пить дикорый и нарушал мир ее страны рекрутскими наборами и воинскими постояями, изливала всю свою моральную ненависть на нем и все свое восхищение на Англии; однако Наполеон оказал ей величайшие услуги очисткой не-